УДК 329.051(571.6):625

Гнатовская Елена Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВПО «Приморская государственная сельскохозяйственная академия» (г. Уссурийск). *E-mail: gnat62_62@mail.ru*

Е.Н. Гнатовская
E.N. Gnatovskaya

Партийные чистки железнодорожников на Дальнем Востоке в 1930-е гг.

В статье рассматриваются чрезвычайные меры кадровой политики в отношении работников железнодорожного транспорта Дальнего Востока – членов ВКП (б) в условиях милитаризации и модернизации СССР в 1930-е годы. Автор реконструирует атмосферу и ход чисток на примере конкретных предприятий железнодорожного транспорта, а также выявляет мотивы и социально-политическую направленность чисток. В статье формулируется вывод о том, что чистки были универсальным мобилизационным и политическим инструментом. Результатом чисток стало создание новой модели партии: олигархической в центре и маргинализированной на местах.

Party «purges» of the railroad workers in the Far East in the 1930th

In this article the emergency measures of personnel policy concerning the railway transport workers of the Far East – members of the All-Union Communist Party (bolsheviks) in the conditions of militarization and modernization of the USSR in the 1930th years are considered. The author reconstructs the atmosphere and a course of purges on the example of concrete enterprises of the railway transport, and also reveals the motives and socio-political orientation of the purges. In the article the conclusion that the purges were the universal mobilization and political instrument is formulated. Creation of the new model of party became the result of purges: oligarchical in the center and marginalized on the places.

Ключевые слова: *репрессии, чистки, ВКП (б), железнодорожный транспорт.*

***Keywords*:** repression, purges, the Communist Party (Bolsheviks), railway transport.

Партийные чистки, с одной стороны, были составной частью репрессивной политики ВКП (б). С другой, – они являлись частью кадровой

политики правящей партии, в результате которой некоторые коммунисты исключались из партии за пассивность, халатность, безнравственность, за принадлежность к политической оппозиции или по каким-либо другим причинам. Исключение из рядов партии часто, хотя и не всегда, являлось прелюдией к аресту, заключению в тюрьму или смертной казни [1].

В последнее десятилетие историки проявляют интерес к данной теме и уже достигли значительных результатов [2]. Однако на материале Дальневосточного региона данная тема либо совсем не затрагивалась, либо рассматривалась лишь фрагментарно [3].

Статья написана исключительно на источниках, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Это протоколы закрытых и общих партийных собраний, стенограммы заседаний аттестационных комиссий, справки политотделов, политические донесения, объяснительные записки, приговоры Военного трибунала, письма осужденных. Вместе с тем, часть материалов чисток до сих пор не рассекречена, поэтому в статье недостаточно представлена статистика чисток.

Цель статьи – реконструировать атмосферу и ход чисток на примере конкретных предприятий железнодорожного транспорта Дальнего Востока в период с 1929 до середины 1930-х гг., выявить мотивы и социально-политическую направленность, а также региональные особенности этих процессов.

В статье освещаются вторая и третья «генеральные» чистки 1929 – 30 гг.; 1933 – 34 гг.; а также массовые исключения из партии 1935 – 37 гг.

1929 г.: чистка как средство мобилизации партии на выполнение решений первой пятилетки

Чистки, как правило, проходили гласно, на общих собраниях трудового коллектива, поэтому протоколы собраний содержат богатую информацию не только о биографии «прочищаемых», но об общественных настроениях. Среди подвергшихся унизительному допросу был старейший работник Ворошиловского паровозоремонтного завода (бывших Никольских железнодорожных мастерских) Зиновий Антонович Тычинский, 1880 г. р., член ВКП (б) с 1917 г., сын казака и волостного писаря. Основным пунктом «обвинения» послужили его негативные высказывания о налоговой политике партии, однако Зиновий Антонович твёрдо отстаивал своё мнение: «Когда я был по заданию в деревнях, то я видел, как облагают, и я с этим был не согласен». На вопрос: «Вы участвовали в дискуссии, и на какой стороне были?», – комиссия услышала ещё более решительное: «У меня не было линии ни на ленинизм, ни на троцкизм, а линия одна, наша, рабочая» [4].

Действительно, Зиновий Антонович принадлежал к тому типу кадровых рабочих, которые «… болеют душой за каждый гвоздь», а вот к новой власти относился с осторожностью, сверяя партийные лозунги с

реальностью конца 1920-х гг. Власть, как это ни парадоксально, не стремилась к укреплению связи с кадровыми рабочими. Итак, рабочий, участник революции З.А. Тычинский прошел чистку 1929 г., но так и не влился в партийный актив, оставаясь критиком политики большевистской власти. Возможно поэтому в 1935 г. З.А. Тычинский станет фигурантом дела о троцкистах на ДВЖД.

Мотивы исключения из рядов ВКП (б) в 1929 г. были следующими. Так, заведующий складом Николай Петрович Митрополов, 1891 г. р., был исключен за службу в Харбине в железнодорожном батальоне Д. Хорвата; Дионисий Матвеевич Долинский 1885 г. р., – за службу в царской армии. Однако решающим аргументом «за» исключение Долинского стало его нежелание посещать политкружок, выраженное им в категоричной форме: «Политграмота – это то же самое, что закон Божий, а его мне надоело учить при старом режиме, поэтому политкружок не хочу посещать!» [5]. Дмитрий Яковлевич Акишин, 1879 г. р., машинист Никольск-Уссурийских мастерских был исключен за бегство в Харбин во время чехословацкого переворота. В протокол были занесены его критические оценки политики партии: «У нас всё делается неправильно!» [6].

Все исключенные из партии принадлежали к старшему поколению кадровых железнодорожников (средний возраст составил 45 лет), так называемому «царистскому» поколению. Партия методом чисток исключала возможность оппозиции в лице старых кадровых рабочих, стремилась изолировать их от коллективов, опасаясь их влияния на умы молодых партийцев.

Еще одним объектом чистки были железнодорожники, выдвинувшиеся в руководство местных советских и профсоюзных органов в период Гражданской войны. Предметом разбора персональных дел послужили некоторые «белые пятна» в их биографиях.

Трудовая биография машиниста Павла Фёдоровича Бойко, 1891 г. р., началась в Харбине, а затем на ст. Евгеньевка (Спасск). В 1917 г. П. Ф. Бойко активно участвовал в формировании представительных органов власти на станции: Комитета общественной безопасности и первого Совета, был участником Краевого съезда Советов. После освобождения Приморья П.Ф. Бойко был командирован в Москву слушателем Высшей профсоюзной школы.

Как видим, Бойко не был рядовым машинистом, а среди пассажиров его «красного бронепоезда» были члены Дальсовнаркома А.М. Краснощеков и В.В. Сакович. Внимание комиссии привлек эпизод с взрывом бронепоезда.

Вопрос: Кто был на броневике во время взрыва?

Ответ: Краснощеков, Сакович, Зубарев.

Вопрос: Были ли унесены замки от пулемётов и орудий после взрыва броневика?

Ответ: Не знаю, так как был без памяти после ушиба.

Вопрос: После взрыва, когда вы очнулись, пошли за своими частями или в противоположную сторону?

Ответ: Пополз по направлению ближайших кустов с целью пробраться к своим [7].

Но к красным Бойко так и не добрался, а попал в плен. Последующие 1919-й и 1920-й гг. были сплошным «белым пятном» в биографии П.Ф. Бойко. Итак, члены комиссии констатируют множество противоречий в биографии П.Ф Бойко, им трудно принять решение. Наконец, сошлись на том, что «… в то время немного было машинистов, которые участвовали на броневиках, а он участвовал» [8].

Другой категорией «вычищаемых» были обычные служащие. Учительнице Анне Алексеевне Аршинской, проходившей чистку в ячейке правления Уссурийской железной дороги, были заданы десятки каверзных вопросов. Самые главные вопросы звучали так: как дочери крестьянина удалось получить университетское образование? Действительно ли она из бедной семьи? Анне Алексеевне пришлось объяснять, что её способности заметила учительница гимназии Барановская, у которой работала её мать. Барановская помогла девушке поступить в гимназию, снабдила формой и книгами. В гимназии девушка получала городскую стипендию и окончила ее с золотой медалью. Как дочь крестьянина, Аршинскую не взяли в столичные университеты, а поступила она в Варшавский, куда принимали выходцев из всех сословий [9]. Таким образом, Аршинская, несмотря на свое рабоче-крестьянское происхождение, оказалась близка к социально чуждым классам, поэтому и была «вычищена» из партии.

Наряду с карательными функциями, задачей чистки была практическая помощь партийным организациям. Так, комиссия отмечала текучесть кадров, частые смены секретарей цеховых ячеек, пьянство большей части коммунистов, «хозяйственные обрастания» [10].

Анализ персональных дел, связанных с партийной чисткой 1929 г. на железнодорожном транспорте, показал, что под ее прицелом оказалось старшее поколение рабочих и служащих, те, кто пришёл в партию до и во время революции, а также во время Гражданской войны. Партия методом чистки предупреждала старых партийцев о нежелательных образцах поведения: поддержке оппозиции, сочувствии отстраненным вождям (Троцкому, Зиновьеву, Бухарину), критике партийной линии и лично Сталина. Однако чистка 1929 г. не достигла своей цели, эти задачи были возложены на новую более радикальную и универсальную чистку 1933 г.

Чистка 1933 г. как метод наказания за провал первой пятилетки

Ухудшение социально-экономического положения в 1932 – 1933 гг. в стране в результате провала первой пятилетки вызвало рост недовольства и так называемых «оппозиционных настроений». Способом подавления этих

настроений была очередная чистка. Попутно преследовались и «воспитательные» цели – объяснить на конкретных примерах «непартийные» образцы поведения. Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) 1933 г. «О чистке партии» и «Об антипартийной группировке Эйсмонта, Толмачева, Смирнова и др.» требовала «… обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину» [11].

И вот в депо Никольска-Уссурийского «… раскрыта группа рабочих», объединившаяся вокруг машиниста Сергея Эдуардовича Пограницкого, 1902 г. р., члена ВКП (б) с 1926 г. Он публично высказывался против политики ВКП (б) по крестьянскому вопросу, обвиняя И. Сталина в том, что тот не следует заветам В.И. Ленина. Материал на группу передали в районную комиссию по чистке для проверки «идеологической устойчивости» [12]. Сергей Эдуардович прошел чистку и в 1936 г. был удостоен звания «Почетный железнодорожник». Однако 30 апреля 1937 г. был арестован, осужден по обвинению в антисоветской деятельности и расстрелян.

Итак, попытка создать прецедент «раскрытия» местной антипартийной организации, не удалась. Но это была своеобразная «обкатка» новых более изощренных методов борьбы с инакомыслием.

Параллельно с партийными чистками проходили чистки «соваппарата». На Дальнем Востоке они совпали с военизацией[1]. Приказ о сокращении в дирекции профсоюза ДВЖД породил слухи среди конторских служащих. Одни замечали, что убирают хороших, добросовестных работников. Другие говорили, что большинство уволенных – это «харбинцы»[2]; но и те, и другие сошлись во мнении, что увольнялись неблагонадёжные и политически чуждые. Ждали худшего: «Теперь с линии потянутся арестованные, их и раньше арестовывали, а теперь и не говори». Другие поясняли: «Арестовывают, брат, не за прогулы, а за что-то другое, это только так говорят» [13].

Итоги чистки 1933 г., по сравнению с чисткой 1929 г., были более масштабными [14, с. 244]. Если в 1929 г. были исключены 7,6% от общего числа Дальневосточной организации ВКП (б), то в результате чистки 1933 г. только на Уссурийской железной дороге было исключено 15,5% коммунистов, а кандидатов в члены ВКП (б) – 20% [15]. Эти цифры вполне укладываются в общесоюзный показатель 18,3% исключенных кандидатов и членов ВКП (б) [16, с. 18]. Однако по отдельным партийным организациям, например по 3-му району Уссурийской дороги, процент исключенных

[1] Военизация – комплекс мероприятий, принятых в Постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) 13 декабря 1932 г., вводивший на Уссурийской и Забайкальской железных дорогах режим военной эксплуатации (военная дисциплина, военно-судебная и военно-дисциплинарная ответственность). Все военнообязанные рабочие и служащие считались призванными на действительную военную службу с распространением на них соответствующих уставных положений РККА, подсудности военно-судебным органам и получения льгот и преимуществ, предоставляемых военнослужащим РККА.

[2] «Харбинцы» – железнодорожники, выехавшие в 1929 – 1934 гг. с КВЖД

доходил до 22% среди членов партии и до 45% – среди кандидатов в члены ВКП (б) [17].

Мотивы исключения, указанные в протоколах, не носили явно политического характера, преимущественно они были связаны с пьянством, хищением, неуплатой партийных взносов, разложением, бюрократизмом, карьеризмом, зажимом критики и очковтирательством. Однако встречались политические ярлыки: «чужак», «оппортунист», «политически неустойчивый», «извращение ленинизма».

В 1934 г. причины исключения оставались те же: «балласт», «классово-чуждые элементы», перерождение, моральное разложение [18].

К 1934 г. логика «чисток» вела к их свертыванию. Однако в действительности искусственное разжигание классовой борьбы только усилилось. Во второй половине 1930-х гг. из протоколов партийных собраний исчезает термин «чистка», однако, исключения из партии неугодных продолжаются под предлогом проверки партийных документов или аттестации кадров работников транспорта. Причем, партийные чистки второй половины 1930-х гг. осуществлялись параллельно с репрессиями.

1935-37 гг.: исключения из партии как часть репрессивной внутренней политики

Вслед за первыми политическими процессами в 1935 – 36 гг. была проведена новая чистка в партии (под видом проверки и обмена партийных билетов). В марте 1935 г. партком паровозного депо разбирал дело машиниста И.Д. Любченко 1902 г. р., члена ВКП (б) с 1929 г., одного из лучших ударников и активных рабкоров. В период интервенции он, якобы, поддерживал связь с японцами и белыми офицерами; был причастен к каппелевской разведке. Как объяснил Любченко, его семья нуждалась в средствах, поэтому при правительстве Дитерихса он занимался извозом, возил японцев. В ответ на нелепые обвинения, Любченко воскликнул: «… меня сделали предателем рабочего класса, но таковым я себя не признаю». После исключения Любченко из партии, материалы на него передали в НКВД [19].

За связь с каппелевской разведкой был исключен и Григорий Ильич Супряга, член ВКП (б) с 1925 г. – мастер котельного цеха ВПРЗ. В октябре 1935 г. на заводе была раскрыта группа «белогвардейцев», в которой оказались уже упомянутый Г.И. Супряга и ещё трое заводских работников, с ярлыками: эсер; петлюровец и кулак. Все они исключены из партии [20].

Старшего стрелочника станции Ворошилов-Уссурийский Никиту Зосимовича Ч. разоблачил рабочий В., который заявил на собрании: «… Я думал, что ты уже бросил свои враждебные вылазки, а ты по-прежнему такой же японский служака». О событии, происшедшем в 1921 г., рассказал рабочий В., фамилию которого называть не стоит по понятным причинам:

«Японцы продавали дрова. Я пришел купить дров, там стояло много рабочих и женщин. Я посмотрел, что стоят все русские, японцев возле нас нет, и говорю: «Вот «макаки» отобрали у нас дрова и теперь нам продают». В это время подбегает ко мне Ч. и говорит со злостью: «Ты что, пришел агитацией заниматься за «товарищей?» <…> Тебе что, не нравится, что Япония нам помогает, дает нам кредиты, чтобы мы не подохли с голоду. Что, тебе «товарищи» нравятся? Так в Центре, где «товарищи», там люди с голоду пухнут». Я стал говорить: «Дурак ты, там, где товарищи, там живут люди хорошо», тогда Ч. сразу побежал заявлять японцам. Присутствовавшие там рабочие говорят: «Убегай отсюда…»» [21]. Постановили: «Выгнать с транспорта этого врага, который ожидает японцев, чтобы верно им служить на стрелке!» [22].

Иллюстрацией остроты идейных разногласий среди рабочих является история с машинистом Ворошилов – Уссурийского депо Юлианом Ричардовичем Машинским, 1892 г. р., кавалером четырёх георгиевских крестов. В 1919 – 1920-е гг. он служил в армии Колчака, а затем в Народно-революционной армии (далее – НРА). Ю.А. Машинский был кандидатом в члены ВКП (б) с 1932 г., но коммунистом так и не стал. Давший ему рекомендацию в партию машинист И.А. Фисенко, узнав, что Ю.Р. Машинский служил в рядах белой армии и принимал участие в «избиении рабочих», отозвал рекомендацию. Между ними состоялся интересный диалог.

Фисенко: «Значит, ты был в рядах белой армии и избивал рабочих?».

Машинский: «Да, был, и таких дураков, как ты, избивал». Машинский был арестован, исключен из кандидатов, дело передано в НКВД [23].

Партийные собрания времен чисток напоминали жестокий спектакль с заранее заученными ролями. На партийном собрании Владивостокского узла в марте 1936 г. дали возможность «проявить» себя фанатично настроенному представителю молодежи. Вот цитата из его истеричного выступления: «… слушая старых членов партии, я вижу, как классовая борьба обостряется, и принимает формы подпольных троцкистско-зиновьевских фашистских организаций. <…> С. – жандармская сволочь, так называл его мой отец, я это выясню. Этот С. <…> пытается прикинуться активистом…» [24].

Во время кампании по обмену партийных документов в 1936 г. на Ворошиловском железнодорожном узле были исключены 34 партийца с формулировками: «белогвардейцы и шпионы» – 14 чел., «связь с чуждыми элементами» – 3 чел., кулаки – 3 чел., «морально разложившиеся» – 7 чел., «пассивные» – 7 чел. [25].

По данным С.А. Головина, всего по ДВК при проверке партдокументов 1935 г. исключены 2876 членов ВКП (б) и 1761 кандидат; а при обмене партдокументов 1936 г. – 329 и 130, соответственно [26]. В августе – сентябре 1936 г. кампания по обмену партдокументов плавно перетекла в

политические процессы по обвинению в причастности к троцкистско-зиновьевскому террористическому центру.

С февраля – марта 1937 г. начались массовые репрессии, зеленый свет которым открыл печально известный пленум ЦК ВКП (б). Партийные собрания превратились в войну, где каждый воевал с каждым, в войну, в которой невозможно было отделить правду от грязных обвинений.

22 мая 1937 г. до двух часов ночи затянулось собрание первичной парторганизации станции Надеждинская. Разбирали запутанную историю Ивана Сергеевича Шугалея, 1884 г. р., коммуниста с 1926 г., коммерческого ревизора ДВЖД. По материалам НКВД, в годы интервенции японские офицеры жили у него на квартире и занимались шпионажем. В кампании с кулаком Решетниковым снабжал белых фуражом, на чём нажил большие деньги. На станции Мучной сблизился с эсером Соловьевым, который называл Шугалея своим однопартийцем. Ещё одним криминальным штрихом биографии Шугалея была переписка с Харбином.

Исповедь Шугалея. «Родился я в бедной крестьянской семье. На ДВК пришел ходоком в 1906 г. С 1916 по 1924 гг. работал на станции Липовцы. Связи с белыми офицерами не имел, наоборот, у меня на квартире был штаб партизанского отряда Орлова. Имел связь с офицерами Енисейского полка для разложения солдат и восстания полка против командования. Потом белые меня обвинили в снабжении партизан оружием, произвели обыск, арестовали, и я просидел одиннадцать дней, меня также обвинили во взрыве моста на 49 км. Освободили меня красные части, занявшие Никольск-Уссурийск. Сено действительно отправлял в город, но белых фуражом не снабжал. В партии эсеров никогда не состоял. В Мучной я организовал ячейку ВКП (б). Связь с заграницей имел до 1934 г., там, в Харбине, жили два брата жены; сейчас они в СССР. Мои письма носили агитационный характер за советскую власть» [27]. За контрреволюционную шпионскую связь и помощь японским интервентам, белым бандам и как приспешник японо-троцкистского фашизма Шугалей был исключен из рядов ВКП (б) и снят с работы коммерческого ревизора. Расстрелян 4 сентября 1937 г.

Мотивы исключений в 1937 г. становятся более политизированными: «за связь с врагами народа», «за притупление большевистской бдительности», «за сокрытие фактов», «за антисоветскую клевету», «за контрреволюционные разговоры и агитацию» [28].

Итак, во второй половине 1930-х гг. чистки эволюционировали в репрессии, результатом которых было уже не исключение из рядов ВКП (б), а арест, заключение и даже расстрел.

Материалы чисток предприятий железнодорожного транспорта свидетельствуют, что распространенным мотивом исключений из партии были так называемые «исторические преступления», то есть преступления, совершенные против советской власти ещё до прихода таковой на Дальний Восток. Автор считает, что использование риторики Гражданской войны

было не случайным. Это связано с историческими особенностями Гражданской войны на Дальнем Востоке (длительностью, размытостью политических сил и разнообразием политических режимов, влиянием интервенции).

Таким образом, чистки были универсальным инструментом проверки качественного состояния партийных кадров, т. е. частью внутрипартийной кадровой политики. Сама эта политика в значительной мере определялась задачами экономического развития страны. Для мобилизации партийных структур на выполнение планов ускоренной модернизации потребовалась высокая степень управляемости всей массой членов партии, отсюда – тенденция к превращению чисток в исключительно репрессивный механизм, что, в свою очередь, давало возможность использовать чистки и в чьих-то корыстных целях как средство для устранения неугодных.

Негативным последствием чисток и репрессий было создание новой модели партии: олигархической в центре и маргинализированной на местах.

Литература и источники:

1. Голдман Венди, З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий / Венди З. Голдман : пер. с англ. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд "Президентский центр Б.Н. Ельцина", 2010. – С. 12.

2. Бакулин, В. И. Кадровые чистки 1933 – 1938 годов в Кировской области / В.И. Бакулин // Отечественная история. – 2006. – № 1. – С. 148 – 153 ; Смирнова, Т. М. Чистки соваппарата как часть повседневности 1920 – 1930-х гг. / Т. М Смирнова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2009. – № 3. – С. 103 – 120;

3. Головин, С. А. Дальний Восток РСФСР в 20 – 30-е гг. XX века (аспекты репрессивной политики) / С.А. Головин. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2005. – 353 с. ; Еланцева, О. П. Террор в лагерях железнодорожного строительства на Дальнем Востоке / О. П. Еланцева // Тоталитаризм и личность : тез. докл. междунар. науч. конф. – Пермь, 1994. – С. 95 – 97 ; Еланцева, О. П. ДВЖД в 1930-е гг. / О. П. Еланцева, Л. М. Медведева, С. П. Чуйкова // Дальневосточная магистраль России. – Хабаровск, 1997. – С. 76 – 83.

4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. П. 113. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 30.

5. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. П. 86. – Оп.1. – Д. 5. – Л. 76

6. ГАПК. – Ф. П. 86. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 79.

7. ГАХК. – Ф. П.113. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 71.

8. Там же. – Л. 73.

9. Там же. – Л. 66.

10. Там же. – Л. 184.

11. О чистке партии. Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Ч. 3. – М. : Госполитиздат, 1954. – С. 198 – 199.

12. ГАПК. – Ф. П. 5. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 30.

13. ГАХК. – Ф. Р.1676. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 46.

14. Головин, С. А. Дальний Восток РСФСР в 20 – 30-е гг. XX века (аспекты репрессивной политики) / С. А. Головин. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2005. – С. 244.

15. ГАПК. – Ф. П. 81. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 33.

16. Устинкин, С. В. Партийные кадры и органы управления регионом / С. В. Устинкин // Общество и власть. Российская провинция. 1930 г. – июнь 1941 г. Том 2. – М. : Институт российской истории РАН, 2005. – С. 18.

17. ГАПК. – Ф. П. 81. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 10.

18. ГАПК. – Ф. П.5. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 1.

19. ГАХК. – Ф. П. 78. – Оп. 1. – Д. 159. – Л. 206

20. ГАХК. – Ф. П. 78. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 6.

21. ГАПК. – Ф. П. 82. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. – 39.

22. Там же. – Л. – 47.

23. ГАХК. – Ф. П. 78. – Оп. 1. – Д. 155. Л. – 219.

24. ГАПК. – Ф. П. 86. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 12.

25. ГАПК. – Ф. П. 82. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 6.

26. Головин, С. А. Дальний Восток РСФСР в 20–30-е гг. XX века (аспекты репрессивной политики)/ С.А. Головин. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. –С.244.

27. ГАПК. – Ф. П. 86. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 33.

28. ГАХК. – Ф. П. 78. – Оп. 1. – Д. 329. – Л. 1 – 16.